

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

**ПАВЕЛ.
НЕ ДРУГ.
НЕ ВРАГ**

Цикл «Величайшая подмена»

Книга четырнадцатая

Альберт Лашёв

Павел. Не друг. Не враг

«Автор»

2026

Лашёв А.

Павел. Не друг. Не враг / А. Лашёв — «Автор», 2026

О брате, который его знал с детства. О Кифе, ходившем с ним годы. О женщинах, не ушедших от столба, когда разбежались все. О свидетеле Иоанне, которому досталась ссылка и остров. Половина Нового Завета написана человеком, который никогда не встречал Радомира. Не ходил с ним. Не слышал его. Не стоял у столба. Он появился после — с рассказом о голосе с неба, который, кроме него, не слышал никто. И получил то, чего не досталось ни брату, ни свидетелю, ни женщинам: базилику размером с город, титул, под которым он вошёл во все языки мира. Расследование идёт по документам, а не по преданию: сначала собственные письма Павла — редкий случай, когда обвиняемый оставил показания и никто не спорит с подписью; трижды он клянётся своим происхождением — и ни разу не называет город рождения. Потом — книга о нём, написанная через поколение анонимом. Потом — досье противной стороны, общины, с которой он воевал, сохранённое врагом специально. Кто он был. Откуда пришёл. Кто дал ему слово.

© Лашёв А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	6
ПЕРЕД НАЧАЛОМ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛИ	9
§1. Правило	10
§2. Место	11
§3. Волк	13
§4. Год	15
§5. Родители	16
§6. Гражданство	17
§7. Имя	18
§8. Сведение	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПИСЬМА	20
§1. Слово ему	21
§2. Каталог	22
§3. Приговоры	23
§4. Клеймо	24
§5. Пропуск	25
§6. Почерк Яхве	27
§7. Вторая половина	28
§8. Бланк и контракт	29
§9. Правило витрины	31
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИОГРАФ	32
§1. Книга без автора	33
§2. «Мы»	34
§3. Биограф, не читавший героя	35
§4. Допуск к архиву	36
§5. Функционал в сюжетах	38
§6. Три протокола	40
§7. Ретушь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Альберт Лашёв

Павел. Не друг. Не враг

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

Цикл «Величайшая подмена». Книга четырнадцатая

ПАВЕЛ.

НЕ ДРУГ. НЕ ВРАГ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕД НАЧАЛОМ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛИ	6
ГЛАВА I. ТРИ ДОСЬЕ	6
§1. Правило	6
§2. Место	6
§3. Волк	7
§4. Год	9
§5. Родители	9
§6. Гражданство	9
§7. Имя	10
§8. Сведение	10
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПИСЬМА	11
ГЛАВА II. ВИТРИНА	11
§1. Слово ему	11
§2. Каталог	12
§3. Приговоры	12
§4. Клеймо	13
§5. Пропуск	14
§6. Почерк Яхве	16
§7. Вторая половина	17
§8. Бланк и контракт	17
§9. Правило витрины	18
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИОГРАФ	20
ГЛАВА III. АНОНИМ	20
§1. Книга без автора	20
§2. «Мы»	20
§3. Биограф, не читавший героя	21
§4. Допуск к архиву	21
§5. Функционал в сюжетах	23
§6. Три протокола	25
§7. Ретушь	25
§8. Заказ	26
§9. Контракт, не зов души	27
§10. Итог допроса	28
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПЕРЕХВАТ	30
ГЛАВА IV. ЧЕЛОВЕК ИЗ СИНОПА	30
§1. Судовладелец	30
§2. Первый издатель	30
§3. Что он прочёл	30
§4. Три ответа церкви	31
§5. Кто резал	31
§6. Что это значит	32
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПРОЕКТ РИМ	35
ГЛАВА V. ГОРОД, КОТОРОМУ НУЖНЫ МОГИЛЫ	35
§1. Вопрос, который не задают	35
§2. Столица мира	39

§3. Претенденты, которые не прошли	40
§4. Объявленные могилы	43
§5. Место	44
§6. Вторая могила	44
§7. Пара	45
§8. Монтаж	47
§9. Что поимел каждый — и когда контракт был исполнен	47
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ТРУБНЫЙ ЖУРНАЛ	49
ГЛАВА VI. СРОКИ КОНЦА	49
Вступление. Закон трубы	49
Такт I. Конец объявлен немедленным	51
Такт II. Несбытие: город, где умерли раньше срока	54
Такт III. Перенос: письмо, которое тушило пожар	57
Такт IV. Приметы порчи: волки, объявленные заранее	59
Такт V. Механизм финала: день, который крадётся	62
Такт VI. Развязка: приказ, который читают над гробами	65
Сводный суд. Второзаконие против журнала	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО БЫЛО ОТНЯТО — И ЧЕМ ЭТО КОНЧИТСЯ	72
I. Комплект отнятого	72
II. Двадцать четыре свидетеля выдачи — и этажи над ними	73
III. Врезка. Долг, который не деньги	74
IV. Машина забвения — и что такое память	75
V. Эдем: спектакль, сделавший всех должниками	76
VI. Братья — и ахиллесова пята Яхве	78
VII. Страх — глушитель монеты	79
VIII. Миссия Радомира, два посева — и жатва	80
IX. Библия переписанная — и почему по одной книге это расследование было бы невоз- можно	81
X. Врезка. Тропой человека (версия автора)	82
XI. Три перевода стрелок — и слово к тебе	83

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Эта книга — четырнадцатая.

Тринадцать книг цикла были посвящены Радомиру — человеку, которого мир знает под именем Иисуса Христа, — и тем, кто стоял рядом с ним. Свидетелю, которому запретили писать. Женщине, которой не оставили имени. Матери. Брату. Тем, кто держал нить, когда её резали.

И чем дольше я писал о стоявших рядом, тем громче становился вопрос, который я откладывал тринадцать книг подряд.

Рядом с Радомиром были люди, на которых могла бы смотреть церковь. Брат, знавший его с детства. Кифа, ходивший с ним годы. Женщины, не ушедшие от столба, когда разбежались все. И был Иоанн — свидетель, хранитель, последний очевидец; лучше претендента не придумать: он видел всё, он остался до конца, ему было поручено самое дорогое. Что получил он? Приговор, остров, запрет на собственное имя. От него не осталось даже могилы: на Патмосе показывают пещеру, в Эфесе — гробницу, которая по церковному же преданию оказалась пустой, когда её открыли.

А теперь посмотрите, кто получил всё.

Половина Нового Завета написана человеком, который **никогда не встречал Радомира**. Не ходил с ним, не слышал его, не стоял у столба. Он появился после — с рассказом о голосе с неба, который, кроме него, не слышал никто. Этому человеку досталось то, чего не досталось ни брату, ни свидетелю, ни женщинам: базилика размером с город, место одесную на мозаиках, титул, под которым он вошёл во все языки мира. Церковь, у которой были очевидцы, построила свой главный голос на человеке, не видевшем ничего.

Так не бывает случайно. Случайно теряют — так **выбирают**.

Зачем понадобился этот человек — вопрос этой книги. Кто он был, откуда пришёл, кто дал ему слово, кто собрал его письма, кто дописал их, кто поставил его рядом с Кифой на всех иконах и по какому праву. Мы пойдём по документам: сначала его собственные письма — редкий случай, когда человек оставил собственноручные показания и никто не оспаривает подпись; потом книга, написанная о нём через поколение анонимом; потом те, кого церковь предпочла не слышать.

Скажу сразу, чем эта книга не является. Мы не обвинители. Мы просто не любим ложь — и потому ищем в Павле правду. Если она окажется той, которую хранит церковь, мы примем её первыми. Если другой — мы её запишем.

По правилу всего цикла первое слово — у церковного предания. Оно выскажется до конца. Потом заговорят документы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛИ

ГЛАВА

I

. ТРИ ДОСЬЕ

§1. Правило

Эта книга — не биография. Биографию пишут тому, у кого она есть.

Эта книга — экспертиза. Мы будем вызывать свидетелей, записывать показания и класть их рядом. Каждому свидетелю — три вопроса: **когда ты говоришь, откуда знаешь, что тебе с этого**. Ответы решают цену показаний — не сан, не древность переплёта, не привычка читателя.

Свидетелей по жизни Павла у древности четыре.

Первый — **он сам**: семь писем пятидесятих годов, подлинность которых признают все стороны разом — церковь, университет и её противники. Редчайший случай: обвиняемый оставил собственноручные показания, и никто не оспаривает подпись.

Второй — **аноним**, написавший через тридцать-сорок лет после его смерти книгу, которую мы знаем как Деяния апостолов. Имя «Лука» приклеено к ней спустя ещё столетие; сама книга не называет автора нигде.

Третий — **Иероним**, переводчик Библии, конец четвёртого века.

Четвёртый — **противная сторона**: община, с которой Павел воевал, — её досье сохранил охотник на ересь Епифаний, переписав, чтобы опровергнуть.

По правилу этой книги первым говорит защита. Начнём с того, что знает каждый, — и посмотрим, кто именно это знает.

§2. Место

Откуда Павел? Любой ответит не задумываясь: из Тарса. Апостол из Тарса Киликийского — это стоит в учебниках, в житиях, в путеводителях по турецкому городу, где туристам показывают «колодец Павла».

Теперь вопрос второй: кто это сказал?

Деяния. Три раза: «он Тарсянин» (Деян 9:11), «я Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города» (Деян 21:39), «я Иудеянин, родившийся в Тарсе» (Деян 22:3). Все три раза — одна и та же анонимная книга, написанная через поколение после его смерти.

А сам он? Семь писем. Он говорит о своём происхождении трижды, подробно, с нажимом — и вот полный перечень того, что он называет: «Израильтянин, от семени Авраамова, колена Вениаминова» (Рим 11:1). «Еврей? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я» (2 Кор 11:22). «Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей» (Флп 3:5).

Колена — есть. Род — есть. Обряд — есть. **Города — нет.** Ни Тарса, ни Киликии, ни одного топонима детства во всех семи письмах. Человек, который трижды перечисляет своё происхождение по пунктам, ни разу не называет место рождения.

Задержимся на самих этих перечнях. Так не пишут для украшения. «Еврей? и я» — это ответ. Отвечают тому, кто спросил; клянутся тому, кто не верит. Три письма — три клятвы о родословной. Значит, родословную оспаривали — не в наши дни, не в четвёртом веке: **при его жизни, ему в лицо.** Кто и что говорил — увидим у четвёртого свидетеля.

Третий свидетель, Иероним, знает другое. В книге «О знаменитых мужах» (глава 5) и в толковании на Послание к Филимону он записывает предание: род Павла — из **Гискалы в Иудее**; когда город взяли римляне, семья переселилась в Тарс. Хронология этого предания ломаная — Гискала пала в 67-м году, когда Павел был уже мёртв, — и эта ломаность дорогого стоит: из Деяний такую историю не выведешь, она пришла другой дорогой. Независимый след. И след ведёт не в Киликию — в Иудею, в семью переселенцев.

Четвёртый свидетель — противная сторона. Эвиониты: община, выросшая из иерусалимской, той самой, где сидели Иаков и Кифа. Их досье переписал Епифаний, чтобы опровергнуть (Панарион 30.16.8-9), и вот оно: Павел — **грек, от греческих родителей**; пришёл в Иерусалим; захотел жениться на дочери первосвященника; ради этого принял обрезание; получив отказ, озлобился — и стал писать против обрезания, субботы и Закона.

Сплетня? Возможно. Но вспомните три клятвы из §2 — «Еврей? и я». Клятва и обвинение подходят друг к другу, как ключ к замку. Его письма сохранили ответ; эвиониты сохранили вопрос. Спор о том, кто он по крови, шёл в пятидесятые годы — и **не кончился до сих пор, потому что решающего документа нет ни у одной стороны.**

И присмотритесь к четвёртому пункту его клятвы — он самый громкий и самый пустой. «**Обрезанный в восьмой день**» — в греческом это одно слово: *περιτομῇ ὀκταήμερος*, «обрезанием восьмидневный», — слово, не встречающееся больше нигде во всём Новом Завете, и в нём нет точки отсчёта: восьмой день от чего? Рождение не упомянуто. Восьмой день — норма Закона (Быт 17:12; Лев 12:3): так обрезают младенца, рождённого в еврейской семье. То есть заявлено: «я обрезан от рождения — не прозелит». А теперь взвесьте это заявление: **у него нет метрики** — кто проверит день чужого обрезания полвека спустя, в другой провинции? Из всего, что можно сказать о себе, это утверждение — непроверяемейшее. И предъявлено оно ровно против живого обвинения, которое мы только что прочли у эвионитов: грек, обрезавшийся взрослым ради женитьбы. «Восьмидневный» — это ответ обвиняемого в прозелитстве: он предъявляет единственное, чего у прозелита не может быть, — и единствен-

ное, чего никто не может проверить. Запомните это правило, оно будет работать всю книгу: **непроверяемое — напоказ.**

Итог по месту: Тарс — у анонима через поколение. Иудея — у Иеронима через три века. Греция — у врагов. Сам — молчит. Три версии, ни одного пересечения.

§3. Волк

Он назвал колено — трижды, под клятву. Посмотрим, что человек называет, когда называет Вениамина.

У колена есть паспорт с приметами, и записан он в самой Библии. Благословение Иакова: «**Вениамин — хищный волк**, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу» (Быт 49:27). Это не поэтическая вольность — тотем: волк был знаком колена, как лев — знаком Иуды. Дальше приметы множатся. Колено воинов-левшей: Аод, левша, убивший царя Еглона спрятанным мечом (Суд 3:15); семьсот отборных пращников, бросавших камни «в волос, и не промахивались» (Суд 20:16) — и всё это в колене, чьё имя означает «сын правой руки». Колено-изгой: за преступление в Гиве весь Израиль воевал против Вениамина и почти стёр его с земли — уцелело шестьсот мужчин (Суд 19–21). И колено первого царя: Саул, сын Кисов, вениамитянин (1 Цар 9:1-2) — помазанный, отвергнутый и до конца дней гнавший Давида, Божьего избранника. Наконец, земля: Иерусалим по жребию раздела — в наделе Вениамина (Нав 18:28).

Есть ли эти приметы в Павле?

Пусть первым ответит не обвинение — церковь. Тертуллиан, разбирая Павла, прилагает к нему стих о волке дословно: утром — хищник, терзающий стадо, вечером — пастырь, раздающий пищу (Против Маркиона 5.1). Совпадение примет заметили и заверили сами отцы. И им было что заверять: «жестоко гнал церковь Божию и **опустошал её**» — это не чужое обвинение, это его собственные слова (Гал 1:13); «по ревности — гонитель» (Флп 3:6). Волк утром. Потом — делящий добычу по общинам, от Коринфа до Рима. Волк вечером. Стих ложится на биографию, как выкройка на ткань.

А теперь имя. Савл — не просто еврейское имя: это имя царя-вениамитянина, единственного знаменитого Саула Библии. И сцена на дамасской дороге — «Савл, Савл» (Деян 9:4), единственное место, где имя стоит в еврейской форме, — построена по формуле ветхозаветных богоявлений: «Авраам, Авраам», «Самуил, Самуил». Самуил — тот, кто Саула помазал и кто Саула отверг. Нитки, которыми сшита сцена, — из Первой книги Царств.

Совпадение полное. И именно поэтому — подозрительное.

Живая биография совпадает с тотемом колена в одной точке, редко в двух. Здесь совпало всё: волк, гонитель, изгой, царское имя. Так совпадает не жизнь с пророчеством — так совпадает текст, написанный по выкройке. И заметьте, **где лежит самая чистая примета**: имени Савл в семи письмах нет. Ни разу. Его знает только аноним, писавший через поколение. Лучшую вениаминову примету Павлу выдал биограф.

Кто под кого подгонял — человек выбрал колено под прожитую биографию гонителя или биограф дописал биографию под заявленное колено, — установить нельзя. И не нужно: обе двери ведут в одну комнату. В обоих случаях перед нами не родословная, а **конструкция**.

Оставался бы вопрос: а вдруг правда? Вдруг он и был вениамитянином, и приметы сошлись честно? Ответ даёт эпоха: **проверить заявку не мог никто**. Родословных реестров для мирян после плена не существовало; учёт вёлся только по священническим линиям — их архивы знает Иосиф Флавий. Теперь взгляните на выбор глазами того, кто выбирает. Левий — проверяем: опасно. Иуда — царское, давидическое колено, претензия с последствиями: опасно вдвойне. **Вениамин — оптимум**. Второе «настоящее» колено вернувшихся из плена, рядом с Иудой, но без царских претензий; непроверяемое; с храмом на своей земле; с именем царя в приданое. Если колено выбирали — выбрали безошибочно. По-волчьи.

Одна примета, впрочем, с выкройкой спорит — и читатель, дошедший до его писем, улыбнётся вместе с нами: этого волка всю жизнь **бьют**. Пять раз плетью, трижды палками, один раз камнями — по его собственному счёту, предъявленному с гордостью, напоказ. Хищ-

ник, который ведёт бухгалтерию собственных ран и выставляет её витриной, — зверь особой породы. Что это за бухгалтерия и что ею оплачено — разберём там, где он предъявит её сам: в его письмах.

§4. Год

Год рождения проверить проще всего: его нет.

Не «спорен», не «приблизителен» — **его не называет ни один источник древности. Ни один.** Все «около 5-10 года нашей эры» в справочниках — обратный расчёт из двух слов: в Деяниях при побиении Стефана он «юноша» (Деян 7:58), в письме Филимону — «старец» (Флм 9). Юноша и старец — вся метрика. Между ними арифметика позднейших исследователей.

У человека, которому церковь поставила базилику размером с город, нет года рождения. Запомним это — и сравним с тем, как подробно та же церковь высчитала ему день памяти. Об этом — в главе о паре.

§5. Родители

Сам — ни слова. Ни имени отца, ни имени матери, ни братьев. Единственное «сын фари-сея» — снова Деяния (23:6), без имени. Единственный родственник за всю жизнь — безымян-ный «сын сестры Павловой» (Деян 23:16), который появляется на один сюжетный ход — под-слушать заговор и спасти героя — и исчезает навсегда, как исчезают персонажи, введённые для сцены.

У Иеронима родители — иудеи-переселенцы из Гискалы. У эвионитов — греки. У него самого — их нет.

§6. Гражданство

Римское гражданство Павла — опора половины его биографии: оно объясняет апелляцию к кесарю, путь в Рим, казнь мечом, а не крестом. Стоит оно — только в Деяниях (16:37; 22:25-28), и там гражданство работает безотказно: стоит Павлу произнести «я римский гражданин», как магистраты пугаются, трибун меняется в лице, порка отменяется.

Теперь его собственное письмо. Перечисляя побои, он пишет: «**три раза меня били палками**» (2 Кор 11:25). Палки — не синагогальные плети, те названы отдельно («пять раз дано мне было по сорока ударов без одного»). Палки — это розги ликторов, наказание римских магистратов. Закон — *lex Porcia*, подтверждённый лексом Юлия, — запрещал сечь римского гражданина розгами; за нарушение магистрат отвечал головой.

Сведите показания. В Деяниях он объявляет гражданство при **первой же** угрозе порки — и порка отменяется. В собственном письме его секут римские магистраты **трижды** — и он ни разу, ни в этом перечне, ни где-либо во всех семи письмах, не произносит слова «гражданин». Человек, трижды высеченный вопреки закону, который его защищал, — и ни разу не вспомнивший об этом законе?

Двух чтений тут нет, есть одно из двух: либо гражданства не было — и тогда Деяния сочинили сцены, апелляцию и половину маршрута; либо оно было — и тогда необъяснимы три порки и его молчание. Защита вправе выбрать любую створку. Обе ведут в её же документ.

§7. Имя

Савл стал Павлом — это знают даже те, кто не открывал Библию; «обращение Савла» — школьная идиома.

В письмах никакого Савла нет. Семь писем подписаны и продиктованы одним именем: Παῦλος. О перемене имени — ни слова, ни намёка, нигде.

Савл живёт только в Деяниях. И там перемена происходит в одном стихе — Деян 13:9: «Савл, он же и Павел» — ровно в той сцене, где герой встречает первого высокопоставленного римлянина повествования: проконсула **Сергия Павла**. До этой встречи — Савл; после — Павел, до конца книги. Герой берёт имя первого завоёванного вельможи, как берут трофей. Это литература, и хорошая; «Христос переименовал Савла в Павла» — легенда, которой нет вообще ни в одном древнем тексте.

§8. Сведение

Положим четыре протокола рядом.

Год — не знает никто. Город — три версии: Тарс у анонима, Иудея у Иеронима, Греция у врагов; сам молчит. Родители — три версии, ни одного имени. Колено — заявлено под клятву, непроверяемо; лучшую его примету — царское имя — выдал позже биограф. Гражданство — есть в поздней книге, опровергается ранним письмом. Имя — меняется в одном стихе поздней книги, раннее письмо перемены не знает.

Это не биография с тёмными местами. Это **три несовместимых досье на разных людей**, сшитые одним переплётом, — и каждое досье изготовлено тем, кому такой Павел был нужен: анониму — римский гражданин, лояльный империи; Иерониму — иудей безупречного корня; эвионитам — чужак и перебежчик. Кем он был, не знал, судя по всему, уже никто из троих.

А теперь заметьте, чего мы ещё не трогали: **лица**. У человека, о котором написана четверть Нового Завета, должно быть хотя бы лицо. Оно есть — его знает весь мир: лысина, клиновидная борода, строгий профиль на тысячах икон и саркофагов. Откуда взято это лицо — отдельная глава. Скажем вперёд одно: книгу, из которой оно взято, церковь осудила как подделку — а лицо оставила себе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПИСЬМА

ГЛАВА

II

. ВИТРИНА

§1. Слово ему

С этой главы говорит он сам. Семь писем пятидесятих годов — Римлянам, дважды Коринфянам, Галатам, Филиппийцам, Фессалоникийцам, Филимону — подлинность которых не оспаривает никто: ни церковь, ни университет, ни мы.

Но прежде чем открыть их, спросим, что здесь означает слово «подлинность». Автографов не существует: древнейшая физическая копия писем (папирус P46) моложе их на полтора века. Первым, кто держал корпус в руках как корпус, был **Маркион Синопский** — человек, которого церковь отлучила в сто сорок четвёртом году. Его мы ещё вызовем свидетелем: без него этой книги не было бы у церкви вовсе.

А теперь прочтите первые строки самих писем — то, что читатель пропускает как формальность. Первое Коринфянам: «Павел... **и Сосфен брат**». Второе Коринфянам: «Павел... **и Тимофей брат**». Филиппийцам: «Павел и Тимофей». Филимону: «Павел и Тимофей». Первое Фессалоникийцам: «**Павел и Силуан и Тимофей**» — и всё письмо идёт на «мы». Галатам: «Павел... **и все находящиеся со мною братия**». Шесть писем из семи подписаны коллективом. Седьмое — Римлянам, единственное от одного Павла, — физически писано другой рукой, и рука расписалась внутри текста: «Приветствую вас и я, **Терций, писавший сие послание**» (Рим 16:22).

Ни одно из семи не написано одиноким человеком при свече. И коллективная подпись здесь — не свидетельство братства. Это **затёртый обратный адрес**: спросить не с кого, ответчик растворён в «братиях». Попробуйте вызвать на очную ставку автора по имени «Павел и все находящиеся со мною». Честная формула подлинности такова: **не «рукой Павла» — «руками писцов Павла при его жизни**». Доказуемы писцы. Недоказуем человек.

Скажем сразу и второе, чтобы никто не упрекнул нас в двойной мерке: по обычаям античности такая база — нормальная. Письма Цицерона тоже изданы секретарём, сборником, без автографов. Но письма Цицерона никто не объявил словом Божиим. Здесь документы обычного ремесленного качества — коллективные подписи, чужая рука, копия через полтора века — несут груз, которого не несёт ни один текст на земле: откровение, канон, устройство мира и посмертия. **Для истории этой базы достаточно. Для слова Божьего — нет.**

Теперь спросим, кому он пишет, — и увидим закономерность. Галатам — мятеж: «удивляюсь, что вы так скоро переходите к иному благовествованию» (Гал 1:6). В Коринф — раскол и ревизия: партии, сомнения в нём самом, вопросы о деньгах. В Фессалонику — колеблющимся новичкам. В Рим — общине, которую он не основывал и в глаза не видел: письмо-захват территории до визита, самое длинное и самое парадное. В Филиппы — единственным спокойным, и это письмо-расписка: они присылали деньги, «я получил всё и избыточествую» (Флп 4:18). Филимону — о возврате беглого раба владельцу. Ни одного письма туда, где всё держится само. **Письмо у него — не общение. Инструмент дистанционного удержания: он пишет туда, где трещит контроль.**

Читать эти письма мы будем так, как читают показания: не только что сказано — зачем сказано здесь, кому отвечает, что предъявляет вместо того, чего предъявить не может.

А предъявить он не может главного. У апостолов и учеников есть то, что не покупается: они **ходили с учителем**. Церковь позже сама запишет это как единственный критерий апостольства — выбирая замену Иуде, условием поставят: из тех, «которые находились с нами во всё время» (Деян 1:21-22). У него этого нет. Ни дня. И письма его — письма человека, который знает, что этого у него нет, и которому это говорят в лицо: в Коринфе против него стоят люди, которых он зовёт «сверхапостолами» (2 Кор 11:5).

Что делает человек, у которого нет верительной грамоты? Смотрите внимательно — сейчас он откроет витрину.

§2. Каталог

Пусть первой скажет церковь: эти строки она много веков читает как знаки мученика, и читает с основанием — жанр известен древности. Философы-стоики доказывали доблесть перечнем перенесённых бедствий; перечень несчастий вместо перечня заслуг — узнаваемая фигура эпохи, и гипербола в таком жанре — не ложь, а правило.

Вот каталог, его словами: «Христовы служители? в безумии говорю: **я больше**. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах... От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской» (2 Кор 11:23-25).

Теперь арифметика, спокойно. Пять раз по сорок без одного — **сто девяносто пять плетей** на одной спине, и спина жива. «Камнями побивали» — это не побои: побиение камнями — способ казни; в рассказе его биографа после этой казни он «встал и пошёл в город» (Деян 14:19-20). Три кораблекрушения — до знаменитого крушения по пути в Рим, которое выходит четвёртым. Ночь и день в глубине — и жив.

И последнее об этом перечне: ни один его пункт коринфские читатели проверить не могли. Другие провинции. Другие годы. Море.

Зачем перечень предъявлен — он говорит сам, первой же строкой: «**я больше**». Это состязание, которое он ведёт с апостолами и учениками — с людьми, которых не знал и которые знали учителя. У них грамота: «мы ходили с ним». Он отвечает единственным, что у него есть: не «я знал его» — «**я страдал за него**». Там, где нечем платить в ходовой монете, чеканят свою. Он чеканит валюту страдания — и в этой валюте назначает себя богатым.

§3. Приговоры

Каталог можно читать как песню — а можно как судебное досье. Прочтём вторым способом: у каждого наказания в этом перечне есть статья, и статьи известны.

«Сорок без одного» — не расправа толпы. Это **приговор суда**: разбирательство перед судьями, счёт ударов по закону — «сорок ударов можно дать ему, а не более» (Втор 25:2-3). Пять порок — **пять судов и пять обвинительных приговоров**. За что порол по еврейскому праву? За нарушения запретительных заповедей: пища, чистота, недозволенные трапезы. А вот **вера в мессию поркой не каралась вовсе**: мессианских проповедников в ту эпоху были десятки, и синагога их не секла. Значит, судили его не «за Христа» — **за увод иудеев от Закона**: за те самые совместные трапезы с язычниками, из-за которых он воевал в Антиохии (Гал 2:11-14).

И отметьте уровень. Всё тяжкое — богохульство, лжепророчество, совращение народа — каралось не поркой, а казнью по приговору. **Ни один из пяти судов не вменил ему ни того, ни другого, ни третьего** — иначе не порол бы. Пять раз подряд его дела квалифицированы по низшему разряду: бытовые запреты — еда, чистота, трапезы. На языке наших дней — административные статьи. Даже у врагов его дела на казнь не тянули.

Камни. Побиение камнями — мера, назначенная Законом за одно: «если будет уговаривать тебя тайно... пойдём и будем служить богам иным... побей его камнями» (Втор 13:6-10). Но заметьте: эту единственную высшую меру вынес не суд — **толпа** в Листре, перенастроенная пришедшими из Антиохии (Деян 14:19). Суды до статьи о совращении не дошли ни разу.

Палки — римские розги, полицейская мера за нарушение общественного порядка. Кораблекрушения, «опасности на реках, опасности от разбойников» — дорожные риски всякого путешественника той эпохи, гонения тут ни при чём.

Сведём досье. **Пять приговоров низшего разряда за разрушение Закона. Одна расправа толпы по статье о совращении к чужому богу. Полицейские меры за беспорядки. Дорожные происшествия.** «За имя Христово» — в юридическом смысле ни одного пункта; римская власть тогда и не судила за это: проконсул Галлион в Коринфе гонит обвинителей от кресла — «разбирайте сами; я не хочу быть судьёю в этом» (Деян 18:14-16).

Он страдал по-настоящему: сто девяносто пять плетей не выдумаешь на своей спине. Вопрос не «страдал ли» — вопрос **за что**. В каталоге нет ни одного пункта, где он пострадал вместо кого-то, за чьё-то спасение, заслонив собой. У Радомира страдание — плата за других, выкуп. Здесь — производственный риск миссии, перечеканенный затем в капитал. **Радомир платил за людей. Павел платил за место.**

Один вопрос это досье оставляет открытым — честный читатель уже задал его: если дальше мы покажем, что работал он на того же Яхве, чьи суды его секли, — как такое возможно? Запомните вопрос. Мы закроем его в конце главы, когда на столе будут все документы.

§4. Клеймо

Есть в его письмах строка, которую переводы стёрли до неузнаваемости. По-русски она звучит смиренно: «я ношу язвы Господа Иисуса на теле моём» (Гал 6:17). Читатель видит раны, повторяющие раны учителя.

В греческом стоит другое слово: τὰ στίγματα — **стигматы**. Стигма — не рана. Стигма — **выжженное клеймо собственности**, которым метили рабов и скот. Геродот описывает храмовые стигматы: раб со священным клеймом принадлежит богу, и трогать его не смеет никто (История 2.113). В Третьей Маккавейской царь клеймит иудеев листом плюща — знаком Диониса (3 Макк 2:29).

«Я ношу на теле клеймо Иисуса» — говорит он буквально. Тавро владельца. И это сходится с его постоянным самотитулом, который переводы смягчают в «служителя»: δοῦλος — **раб** (Рим 1:1; Гал 1:10; Флп 1:1). У Радомира — раны, полученные от палачей. У него — рубцы от порок, **перечеканенные в тавро принадлежности**: следы приговоров предъявлены как знак того, чьей собственностью он стал.

И проследите судьбу самого слова — она малая модель всей большой подмены. Кровавые раны в местах гвоздей, которые мир сегодня зовёт стигматами, впервые явлены у Франциска Ассизского, в 1224 году, — и к Павлу отношения не имеют. Но названо это явление словом, взятым ровно из строки Галатам: больше ему взяться в христианстве неоткуда. В первом веке стигма — клеймо раба. В тринадцатом из клейма раба сделали копию ран Радомира, и знак собственности превратили в высший знак святости. **Подмена прошла даже по словарю.**

Запомните это слово — клеймо. Чьё оно, мы спросим в следующем параграфе.

§5. Пропуск

В том же письме, через страницу от каталога, стоят две строки, ради которых написана эта глава.

Первая — в самом каталоге: «ночь и день пробыл **во глубине морской**» (2 Кор 11:25). В греческом: νυχθήμερον ἐν τῷ βυθῷ — «сутки провёл **в бездне**». Νυχθήμερον — редчайшее слово: единые сутки, начинающиеся, по еврейскому счёту, с ночи. Βυθός — не «открытое море»: глубь, бездна. Мейнстрим читает буквально — сутки в воде после крушения, на обломке доски, — и эту колонку мы честно даём первой. Но положим рядом три факта. Его собственный словарь: «кто сойдёт **в бездну**? то есть Христа из мёртвых возвести» (Рим 10:7) — бездна у него граничит с обиталищем мёртвых. Карта предыдущей книги этого цикла — «**ИОАНН. Пришло время долюбить**»: свергнутые — под водой; ангел вод; «и моря уже нет». И третий факт, документальный: гностики-валентиниане — те, что звали Павла своим апостолом, — именовали своё начало всего, перво-эон, словом **ΒΥΘΟΣ, Бездна** (Ириней, Против ересей 1.1.1). Для его первых наследников строка «провёл сутки в Бездне» читалась не как рассказ о кораблекрушении.

И положим четвёртое — вопросом, не утверждением. До него Яхве посылал к язычникам одного-единственного пророка: Иону, в Ниневию. И маршрут Ионы лежал через глубину: «из чрева преисподней я возопил» (Ион 2:3). Побывал в глубине — получил миссию к необрезанным. Здесь: сутки в бездне — и миссия к необрезанным. Маршрут снова совпадает с должностью. Для чего именно нужны были эти сутки — текст молчит, и мы оставляем вопрос читателю.

Вторая строка — сразу за каталогом: «**знаю человека** во Христе, который назад тому четырнадцать лет... **восхищен был до третьего неба**... в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор 12:2-4).

Заметьте: о себе — в третьем лице, «знаю человека». Кто этот человек — он проговаривается через пять стихов: «чтобы **я** не превозносился чрезвычайностью **откровений**» (12:7). Откровения его. Скромность приёмом — и снятая ответственность: я лишь знаю человека.

Спросим, как спрашивали всю книгу: зачем это сказано здесь? Обе строки стоят внутри одного блока — войны со «сверхапостолами». И вход в тему он объявляет сам: «не полезно хвалиться мне, ибо я приду к **видениям и откровениям** Господним» (2 Кор 12:1). Это не исповедь — следующий лот на торгах. У апостолов и учеников козырь горизонтальный: они ходили с учителем по земле. Он бьёт вертикалью: вы знали его во плоти — **а я был взят туда, куда никто из вас не поднимался**. Вверх — до третьего неба. Вниз — в бездну. Оба этажа мира, недоступные очевидцам.

Теперь смотрите на устройство рассказа — оно инженерное.

Непроверяемость встроена в конструкцию. «В теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю, Бог знает» (12:2-3). Слышал слова, «которых человеку **нельзя пересказать**» (12:4). Отчёт, по определению не подлежащий отчёту: содержание засекречено, способ перемещения неизвестен самому путешественнику, свидетель — только Бог.

Этаж назван по действующей карте. Рай в третьем небе — это карта книг Еноха, которые старше Павла. Небесная экскурсия в ту эпоху — жанр не чуда, а **выдачи полномочий**: Енох проведён по небесам — и возвращается с правом писать и судить. Читатель эпохи слышал в «третьем небе» не восторг — слышал: человеку выдан допуск енохова уровня.

Дата стоит — у события, которое нельзя проверить. «Назад тому четырнадцать лет». У этого человека нет года рождения. Но есть точная дата полёта на небо. Всё проверяемое в его письмах молчит; всё непроверяемое — датировано и выставлено.

И к пропуску приложено остриё — прочтите буквально, ничего не добавляя. «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений» (12:7). В греческом не пчелиное жало: *οκόλοψ* — заострённый кол, **остриё, вонзённое в плоть**. И «дано» — пассив: **выдано**. При выдаче допуска в плоть вонзено остриё — и при нём приставлен надзиратель, чья должность названа его собственной рукой: ангел сатаны.

Сложите: допуск на оба этажа, засекреченное содержание, дата без возможности проверки, вживлённое остриё, приставленный конвой. Это не рассказ о чуде. Это **предъявленный пропуск**.

Кто выдаёт такие пропуска — знает предыдущая книга. Первым по этому маршруту прошёл Енох: взят над твердь, получил перо и чернила, написал шестьдесят семь книг, научил людей приносить жертвы — «и так сокрыл царство небесное от людей». Писец на службе. Его карьера кончилась престолом заместителя и титулом, который сохранила третья книга его имени: **малый Яхве**.

Теперь сравним должностные инструкции — пункт за пунктом, потому что совпадение маршрута ещё можно назвать случайным; совпадение задач случайным не бывает.

Еноху велели дать **перо и чернила** — он написал шестьдесят семь книг. Этот вернулся из третьего неба — и его корпус стал половиной Нового Завета. **Такой пропуск выдают не созерцателям — писцам**.

Енох **учил приносить жертвы**. Этот жертву не отменил — довёл до предела: «Пасха наша, Христос, **заклан за нас**» (1 Кор 5:7); Бог предложил его «в **жертву умиловления в крови Его**» (Рим 3:25) — в греческом *ἱλαστήριον*: слово, которым греческая Библия зовёт крышку ковчега, место кропления жертвенной кровью. Не конец жертвенного культа — его вселенская редакция: одна жертва, одна кровь, на всех и навсегда.

Енох передал формулу: «**я ваш бог, и кроме меня нет иного**». Этот пишет: «**есть много богов и господ много** — но у нас один» (1 Кор 8:5-6). Многих — признал. На одного — замкнул.

Енох «**сокрыл царство небесное от людей**». Чем закрывал его второй — разбирает вся эта книга, и первый ответ уже дан: свет внутри заменён институтом снаружи.

Четыре графы инструкции — четыре исполнения. **Тот же Яхве. Та же должность. Следующая смена.**

Останется возражение педанта, и мы снимем его сами: Енох — седьмой от Адама, до Авраама — поколения; о каком народе речь? Ответ дала предыдущая книга, повторим его одной строкой: дом, который позже назовут Израилевым, по переписи Апокалипсиса — **не кровь, а список**; сам список колен там сломан и подогнан под число, а «Израиль» — не происхождение, а **звание**, выданное Иакову, как выдают должность. Евреем по крови Енох быть не мог. Но **дому списка он принадлежал раньше всех**: первый внесённый и первый регистратор — его древнейший титул в его же корпусе: «**писец праведности**» (1 Ен 12:4). Он не входил в список. Он его **завёл**. Яхве не ждал появления народа: он начал с ведомости, народ стал её позднейшим приложением. **Служба Яхве старше народа, потому что список старше крови**. И принцип ведомости проговаривает сам Павел: «не все те Израильтяне, которые от Израиля... не плотские дети суть дети Божии» (Рим 9:6-8).

§6. Почерк Яхве

Если нанятый пишет — в написанном должен быть виден тот, кто его нанял. Это проверяемо: пройдём по семи письмам и составим опись руководящих идей. Не отдельных цитат — несущих балок.

Гнев. Стержень его главного письма: «открывается **гнев Божий** с неба на всякое нечестие» (Рим 1:18). И формула спасения — вслушайтесь: Иисус, «избавляющий нас **от грядущего гнева**» (1 Фес 1:10). Спасение — страховка от гнева своего же бога. **Полис от собственного страховщика.**

Жертва и кровь. Умилостивление кровью (Рим 3:25), заклание (1 Кор 5:7) — параграфом выше.

Счёт. Его любимый глагол — λογίζομαι, «**вменять**», счётный термин: в одной четвёртой главе Римлянам он стоит около одиннадцати раз — «вера **вменилась** ему в праведность». И жалованье: «**возмездие** за грех — смерть» (Рим 6:23); в греческом ὁψώνια — солдатское **жалованье**. Смерть как зарплата по ведомости.

Произвол хозяина. «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел... Не властен ли горшечник над глиною?» (Рим 9:13, 21). Избрание без заслуг, список без апелляций.

Страх. «Со **страхом и трепетом** совершайте своё спасение» (Флп 2:12). **Подчинение.** «Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим 13:1). **Присяга.** «Бог свидетель» — клятва, поставленная в письмах трижды (Рим 1:9; Флп 1:8; 1 Фес 2:5).

Гнев. Жертва. Кровь. Счёт. Жалованье. Произвол. Страх. Присяга. Это не словарь учителя, о котором написаны первые тринадцать книг этого цикла, — в его речи мерой была любовь, а не кровь. Это **инвентарь Яхве** — того самого, чей жертвенный устав записывал первый писец. Идеи Яхве прослеживаются в письмах нанятого — сквозным пунктиром, письмо за письмом. **Функционал доказан почерком.**

И скажем честно, первыми, как велит правило этой книги: в тех же письмах слышен **второй голос**. Гимн любви — «любовь долготерпит, милосердствует... не ищет своего» (1 Кор 13) — и «нет уже иудея, ни язычника... ибо все вы одно» (Гал 3:28). Мы читаем эти острова так: **слабые попытки человека вставить себя в инструкцию**. Их мало, и почерка они не отменяют — они свидетельствуют лишь о том, что писала рука живого. Опись фиксирует пропорцию: инвентарь — сквозной, несущий; человек — островами.

§7. Вторая половина

Он написал половину Нового Завета — тринадцать посланий под его именем из двадцати семи книг. Честный читатель обязан спросить: а чья вторая половина? Кто соавтор тома?

Считаем. Самое большое перо тома — вовсе не его: **Лука с Деяниями**, около четверти всего Нового Завета, — его спутник и его адвокат. Послание к Евреям — аноним павловой школы, веками приписывавшийся ему же. Марк — по Деяниям, спутник его путешествий. Сложите: **письма нанятого плюс книги его попутчиков — это уже сильно больше половины тома.**

Что остаётся очевидцам? Корпус Иоанна — перехваченный: с дописанной двадцать первой главой, где чужая рука трижды передаёт Петру «паси», — это показано в предыдущей книге. И два голоса, уцелевших чудом: Иуда — и **Иаков, брат**. Откройте его письмо: «человек оправдывается делами, а не верою только» (Иак 2:24). Это прямой выстрел в главную формулу Павла. И через полтора тысячелетия Лютер, перестроивший всё христианство Запада на этой павловой формуле, назовёт послание Иакова «**соломенным**» и захочет изъять из канона. Брат учителя всё ещё мешал.

Формула параграфа: **том писан нанятым и его попутчиками; голоса очевидцев в нём либо отредактированы, либо уцелели чудом — и уцелевшие спорят с ним до сих пор.**

§8. Бланк и контракт

Проверим вывод последним способом — сличением документов о его найме. По правилу книги первое слово у предания; здесь предание и его собственная рука говорят хором.

Бланк призыва. Вот как он сам описывает своё призвание: «Бог, избравший меня от утробы матери... благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам» (Гал 1:15-16). А вот типовая форма, по которой призывали пророков Яхве. Иеремия: «прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя... пророком для народов поставил тебя» (Иер 1:5). Раб Господень у Исайи: «Господь призвал меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя моё... сделаю Тебя светом народов» (Ис 49:1, 6). От утробы — для народов. Совпадение граф признаёт вся комментаторская наука; спорят о выводе. Наш вывод прост: **призывной бланк опознаётся. Он заполнил бланк Яхве.**

Контракт. Слова о нём в час вербовки — по книге его биографа: «он есть Мой избранный **сосуд**, чтобы **возвещать имя Моё** пред народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, **сколько он должен пострадать за имя Моё**» (Деян 9:15-16). Прочтите медленно, здесь всё. «Сосуд», *σκεῦος*, — утварь, **инструмент**. Должность — **разносить имя**: не учение, не любовь — имя. И страдания **прописаны в контракте при найме**: «покажу ему, сколько он должен пострадать». Витрина, которую мы разбирали в этой главе, была условием найма, объявленным в день вербовки. Каталог — не биография. **Отчёт по контракту.**

Стажировка. Куда идёт новонанятый? «Не пошёл в Иерусалим... а пошёл в **Аравию**» (Гал 1:17). Что такое Аравия в его личном словаре, он объясняет сам: «гора **Синай в Аравии**» (Гал 4:25). Первый маршрут — к горе выдачи Закона. И это маршрут Илии, бежавшего к той же горе слушать голос (3 Цар 19), — а сцену Илии он прикладывает к себе собственной рукой: «не знаете, что говорит Писание об Илии?... *остался я один, и моей души ищут*» (Рим 11:2-3). Взятых живыми на небо писание знает двоих. Маршрутами и словами обоих ходит один человек.

Должностное поле. Итог найма: «мне вверено благовестие для **необрезанных**» (Гал 2:7). Вспомните карту раздела: Всевышний разделил народы «по числу сынов Божиих», и доля Господня — один народ, Иаков (Втор 32:8-9). А инструмент направлен за межу: «от Иерусалима и окрестности **до Иллирика**... не имея места в сих странах» (Рим 15:19, 23) — и дальше в Испанию (15:24), до края карты. **Нанятый послан за границы удела — по уделам других.** Вот зачем понадобился человек со стороны, не ходивший с учителем: для работы на чужой территории очевидцы не нужны. Нужен человек с мандатом и с именем.

Заметьте и обратную сторону раздела: благовестие понадобилось **только необрезанным**. Обрезанным благовествовать было нечего — **своя доля знала план с самого начала.**

И теперь закроем вопрос, оставленный в третьем параграфе: если он работал на того же Яхве, чьи суды его секли, — как это возможно? Ответ: охрана и реформа редко узнают друг друга. Разница контуров — в одном слове: **ограждение**. Старый контур ограждал один народ: вход по крови и обрезанию, доступ через шестьсот тринадцать запретов, жертвы повторяемые, через храмовую кассу. Новый контур ограждение снимает: обрезание — «ничто» (Гал 6:15), Закон — «детоводитель», отслуживший срок (Гал 3:24-25), жертва — одна навсегда, вход — по имени, членство — по списку без крови, территория — все уделы. Бог тот же. Имя то же. Жертвенная логика та же. **Изменился охват: был один народ — стали все народы.** Синагоги стерегли старое ограждение — и для сторожей распятый, названный Кириосом, был чужим богом, даже если бог тот же. Его били не враги Яхве — его **сторожа**: старый порядок против новой редакции того же хозяина. Расширение не объявляют сторожам ограждения — и сторожа добросовестно пороли нанятого по уставу старой редакции. Оттого и приговоры его, все до одного, — за Закон: он ломал ровно то, что этим сторожам велено было стеречь.

Соберём нить главы в одну строку: **призван по бланку — нанят разносить имя — страдания прописаны в контракте — стажирован на Синае маршрутом Илии — направлен расширять долю на чужие уделы — бит сторожами старого ограждения. Второй писец на службе. Первый кончил малым Яхве.**

§9. Правило витрины

Отступите на шаг и посмотрите на все семь писем сразу. Год рождения — молчание. Город — молчание. Родители — молчание. Слова учителя — дважды за семь писем. Зато третье небо — рассказано и датировано. Сто девяносто пять плетей — сосчитаны. Казнь, после которой встают, — предъявлена. Бездна — с точностью до суток.

Правило выводится одной строкой, и мы будем прикладывать его ко всему корпусу до конца книги: **всё проверяемое — молчит; всё непроверяемое — выставлено напоказ.**

Читатель первой главы уже улыбнулся вместе с нами: волк, которого всю жизнь бьют. Теперь видно, что улыбка была по делу — волков два, и оба витринные. В книге его биографа он волк-гонитель, и зверь раздут: чем страшнее «утром ест ловитву», тем дороже чудо разворота. В собственных письмах он волк битый: перед общинами ходовая валюта не сила, а раны, — и раны переплавлены в клеймо, клеймо предъявлено как печать, печать оплачена по контракту, в котором страдания стояли отдельной строкой.

Гонитель — для легенды. Гонимый — для сборов. Обе шкуры пошиты с запасом — и мерку с первой мы снимем, когда вызовем на допрос того, кто её шил: анонима, написавшего ему биографию.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИОГРАФ

ГЛАВА

III

. АНОНИМ

§1. Книга без автора

Всё, что мир «знает» о Павле сверх его писем, — дорога в Дамаск, свет и голос, Савл-гонитель, ученик Гамалиила, римский гражданин, палаточник, речь в Ареопаге, суд, путь в Рим — стоит в одной книге. Книга называется Деяния апостолов, и у неё нет автора.

Не «автор спорен» — его **нет в тексте**. Нигде, ни разу книга не называет писавшего. Она открывается посвящением: «первую книгу написал я к тебе, **Феофил**» (Деян 1:1) — и это второй том: первый, с тем же адресатом, мы знаем как Евангелие от Луки, где адресат назван с чиновным титулом — «**достопочтенный** Феофил» (Лк 1:3), обращение к лицу ранга. Кто такой Феофил — неизвестно; само имя значит «любящий Бога», и не исключено, что адресат собирательный. Книга без автора, посвящённая читателю без лица.

Имя «Лука» приклеено к обоим томам через **столетие**: впервые — у Иринея, около 180 года. Из чего оно собрано, проверяется за минуту: во всём Новом Завете человек по имени Лука упомянут **трижды**, и все три раза — проходной строкой в приветствиях павлова круга: «Лука, врач возлюбленный» (Кол 4:14), «Лука» в списке сотрудников (Флм 24), «один Лука со мною» (2 Тим 4:11) — причём третье стоит в послании, которое само подложно. Три приветствия — вся биография автора четверти Нового Завета.

И заметьте, **как выбрано имя**. Не Пётр, не Иаков — громкое имя вызвало бы проверку. Спутник Павла, известный тремя строчками: имя не пустое — оно пристёгивает книгу к Павлу, документ получает статус «писал очевидец павловых путешествий», — и не полное: **проверить нечего**. Ни судьбы, ни дат, ни могилы, с которой можно спросить. Авторитет без ответственности. В первой части мы видели, как это делается с биографией. Здесь то же сделано с автором — и заказчик у обеих операций, как увидим, один.

§2. «Мы»

Внутри книги, впрочем, подпись есть — изготовленная тоньше приклеенного имени.

В четырёх местах повествование внезапно переходит в первое лицо: «**мы** положили отправиться в Македонию» (Деян 16:10), «**мы** отплыли» (20:6) — и так до самого Рима. Знаменитые «мы-отрывки». Читатель слышит голос очевидца: писал спутник, он был там, он плыл на том корабле. Но у голоса **нет имени**. «Мы» — это кто? Подпись поставлена — подписавшего нет.

А теперь сравните, как оформлено свидетельство у **очевидцев**. Евангелия называют их **поимённо** — вплоть до женщин у гроба, в эпоху, когда женское слово не стоило в суде ничего: «Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова, и Саломия» (Мк 15:40), «Иоанна» (Лк 24:10). Имя тогда и было адресом: каждого можно найти и **спросить**. Рядом с Радомиром — люди с именами. Рядом с Павлом — местоимения: спутники на дамасской дороге безымянны и бессчётны, спутники на корабле — «мы», автор — аноним. **Вокруг учителя — те, с кого можно спросить. Вокруг Павла — те, с кого спросить нельзя.**

Тогда законный вопрос, и мы обязаны его задать: а было ли путешествие? Отвечаем честно, двумя слоями. **Дороги — были:** их подтверждают получатели писем — общины Коринфа, Галатии, Фессалоники реальны, деньги сбора реально ходили, «до Иллирика» стоит в его собственной руке (Рим 15:19). А вот **роман о дорогах** — с Ареопагом, змеей на Мальте, четырнадцатью сутками бури — держится на одном рассказчике, у которого нет имени. Дороги были. Рассказ о дорогах — **рассказ без рассказчика**, и спросить за него не с кого: имена не оставлены затем же, зачем затирают обратный адрес.

§3. Биограф, не читавший героя

Теперь главная странность Деяний — она видна всякому, кто положит письма и Деяния рядом.

Деяния написаны через тридцать-сорок лет после смерти Павла, когда его письма уже ходили по общинам. И вот книга, целиком посвящённая Павлу — половина объёма: его путешествия, речи, суды. Сколько раз она **цитирует его письма**? Ни разу. Сколько раз упоминает, что он вообще **писал письма**? Ни разу. Человек, вся сила которого — в посланиях, по Деяниям не написал ни строчки.

И вторая странность, глубже: Деяния — книга об апостоле, которая **не называет его апостолом**. Во всём тексте титул приложен к нему дважды (14:4, 14) — мимоходом, в паре с Варнавой, в бытовом смысле «посланцы». Биограф, воспевающий героя, отказывает ему в титуле, который сам герой выносил в первую строку каждого письма.

Либо автор не знал писем — и тогда он не спутник, и цена «очевидца» понятна. Либо знал — и **стёр**. Обе двери ведут в одну комнату: перед нами не воспоминания — **обработка**. Но если письма героя аноним не читал — встаёт вопрос страшнее: **что он читал?** Откуда материал? Сейчас увидите — и держитесь.

§4. Допуск к архиву

Составим опись того, что во всём каноне знает **только этот аноним**. Ни Марк, ни Матфей, ни Иоанн — только он.

Только у него — бухгалтерия. Притча об управителе, снятом за подлог в расписках: «сколько ты должен господину моему? Сто мер масла. Возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят» (Лк 16:1-7) — история **списания чужого долга без права на списание**. Только у него — два должника, которым заимодавец простил пятьсот и пятьдесят (7:41-43). Только у него блудный сын, который **«расточил имение»**, — тем же глаголом, каким обвинён управитель. Только у него — богач и Лазарь: единственная в евангелиях сцена **загробного учёта** (16:19-31).

Только у него — сцена падения. «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк 10:18).

Только у него ангел назван по имени — и слушайте, **как** ангел представляется: «Я Гавриил, предстоящий пред Богом» (Лк 1:19).

Только у него — небесная ведомость имён. «Радуйтесь тому, что **имена ваши написаны на небесах**» (Лк 10:20). И только у него герой входит в мир **через внесение в список**: его евангелие открывается переписью — «вышло повеление сделать перепись по всей земле... и пошли все записываться» (Лк 2:1-3).

Только у него — канцелярские датировки: «в пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее...» (Лк 3:1-2) — семь должностей в одной строке. Так датирует не рассказчик — делопроизводитель.

И только в его втором томе исполнители Яхве показаны в работе: ангелы-ключники, отпирающие тюрьмы (Деян 5:19; 12:7), и ангел-палач — «ангел Господень поразил Ирода... и он, быв изъеден червями, умер» (12:23), единственная в Новом Завете сцена приведения приговора в исполнение.

Расписки. Списания. Ведомости. Перепись. Падение. Имена предстоящих. Календарь властей. Ключники. Палач. Аноним знает службу Яхве **по всем её частям**.

Откуда это у него? Отсекаем по очереди. **Не от Павла:** в семи письмах — ни одной притчи, мы установили это описью; черпай спутник у спутника — бухгалтерских притч у него бы не было. **Не от очевидцев:** их он не цитирует и стирает. Источник — третий.

Так кто же он, этот Лука? Сведём его дело — оно короткое, и короткость его кричит. С Радомиром не ходил: ни одно евангелие — **включая его собственное** — не знает его среди учеников; в списке Двенадцати его нет, среди семидесяти не назван, у столба не стоял, у гроба не стоял. Больше того — он **сам признаётся**, что пишет с чужих слов: «как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами» (Лк 1:2). В событиях, которые описывает, не появился ни разу. Себя не называет. Апокрифы, у которых нашлись легенды про всех, о нём почти немые. А биография у него появляется во втором веке — и появляется как **оружие**: когда Маркион — первый издатель павловых писем — объявил это евангелие своим, церкви понадобилось срочно предъявить владельца, и владельца выписали: так называемый антимаркионитский пролог — сириец из Антиохии, врач, ученик апостолов, умер в восемьдесят четыре года в Беотии, безбрачен. Само название документа признаётся, **против кого** он изготовлен. Позже тому же перу задним числом выдали и кисть — легенда назначила «Луку» автором первых икон Богородицы: недостающие тексты — ему, недостающие лица — ему. И эмблему традиция подобрала ему из четырёх животных безошибочно: **телец. Жертвенное животное.**

Читатель уже спрашивает вместе с нами: чей это засланный человек — не ученик, не очевидец, ниоткуда — и со всеми допусками?

А теперь остановитесь и посмотрите на опись ещё раз — целиком. Писец, пишущий больше всех. Знающий падение — как очевидец приговора. Знающий ангелов по именам — и по **рангам**: «предстоящий пред Богом» — это не оборот речи, это должность из небесного штата, где предстоящих четверо, и Гавриил среди них. Читающий **небесные скрижали** — ведомость, где «имена написаны на небесах». Ведущий календарь. Учивший жертвам — телец на двери. Знающий палачей в лицо.

Этот набор в писании есть — целиком, до последней графы. Это Енох. «Писец праведности» — его титул (1 Ен 12:4). Шестьдесят семь книг — его выработка. Очевидец дела стражей — он. Четвёрка **предстоящих пред Господом** — Михаил, Рафаил, **Гавриил**, Фануил — его каталог (1 Ен 40:9): ангел у «Луки» представляется по енохианской форме, которой нет больше нигде в каноне. «Я читал **скрижали неба**» (1 Ен 103:2) — его слова. Астрономическая книга, устройство календаря — его работа (1 Ен 72–82). Жертвенный устав — его урок людям, по Тайной книге. Совпадение не по двум точкам — **по семи графам должностной инструкции.**

И ваш вопрос «кто выдал анониму архив» получает ответ, который мы не смели предположить, пока не сверили графы: **архив никто не выдавал. Архив пришёл вместе с писцом — он сам его писал, шестьюдесятью семью книгами раньше.** Расписки, скрижали, имена предстоящих, календарь, жертвенный телец — это не источники «Луки». Это **почерк Еноха.** Тот, кто кончил престолом заместителя за твердью, сам в земной сюжет войти не мог — но его перо вписали в новый образ, и образ вышел ровно таким, каким выходит вписанное: без тела, без родни, без могилы, без имени, которое пришлось приклеивать через сто лет. Механизм читателю этого цикла знаком по предыдущей книге: **одни и те же — в сменяемых одеждах.** Прямого отождествления не даёт ни один древний текст — мы кладём на стол опись семи совпадений, и вывод она делает сама.

Яхве не нанимает новых писцов. Яхве переодевает старого. Первое перо — при втором нанятом: вот кто такой «Лука», и вот почему у него есть всё, кроме биографии, — биографии не бывает у должности.

§5. Функционал в сюжетах

Если биографию писало перо на службе Яхве — функционал героя должен проступать в самих сюжетах. Проверим пять сцен.

Первое чудо Павла — наведение слепоты. Кипр, при проконсуле Сергии Павле: «се, рука Господня на тебя: **ты будешь слеп**» (Деян 13:11). Первое средство, применённое Павлом, — **то самое, которым обработали его самого при вербовке**. Инструмент раздаёт то, чем настроен.

Теперь смотрите, **кого** он ослепил, — тут сцена раскрывается вдвое. Имя поражённого стоит в тексте: **Вариисус** (13:6) — Бар-Иешуа, «**сын Иешуа**». Кто это мог быть? Скажем честно все три ответа. Первый, бытовой: Иешуа — имя в ту эпоху частое (в самом Новом Завете есть Иисус Варавва и «Иисус, прозываемый Иустом», Кол 4:11); «сын Иешуа» может быть простым отчеством. Второй ответ — по месту в сцене, и он держится на тексте намертво: посмотрите, **где сидит этот человек**. Иудей, пророчествующий, **при римском проконсуле**, влиятельный настолько, что за внимание Сергия Павла приходится воевать (13:7-8). Путь к римской власти **уже занят** — и занят человеком под именем «сын Иешуа». Павел ослепляет носителя имени **на глазах у проконсула**, забирает проконсула — «тогда проконсул уверовал» (13:12) — и в той же сцене берёт имя Павел (13:9). Не чудо — **устранение конкурента за право представлять имя перед Римом**, записанное биографом как триумф. И третий ответ — тот, который читатель этого цикла обязан хотя бы взвесить: а если «сын Иешуа» — не прозвание, а **родство**? Доказательств текст не даёт. Но он даёт улику страшнее доказательства: посреди сцены писец вдруг **переименовывает** своего персонажа — «Елима волхв, **ибо то значит имя его**» (13:8). Откройте любой комментарий: это знаменитая загадка — **Элима не означает Вариисус**, этимология не сходится, переводчики бьются с ней два тысячелетия. Зачем рассказчику выдавать герою второе имя с фальшивым переводом? Затем же, зачем вообще затирают: имя «сын Иешуа» — в сцене, где его носителя ослепляет разносящий имя Иешуа, — резало глаз. Мы не знаем, чей он был сын. **Но мы знаем теперь, что это знал писец — и спрятал: мазок виден до сих пор.**

Врезка. Почерк в веках. Через девять веков этот приём вербовки будет применён снова — и уже не к человеку. Повесть временных лет, Корсунь: князь Владимир, решающий, какой верой идти, «разболелся глазами и не видел ничего»; царица Анна велит креститься скорее; и при крещении, когда епископ **возложил на него руку**, — «**тотчас прозрел Владимир**». Сличите с Деян 9: три дня слепоты — Анания **возлагает руки** — «как бы чешуя отпала от глаз». Слепота, рука посвящающего, прозрение, присяга — узел в узел. Историк скажет: летописец списал сцену с Деяний, книжный шаблон. Пусть так — тогда вслушайтесь, **какой шаблон выбран** для рассказа о крещении целого народа: не Корнилий, не эфиопский вельможа — **вербовка Павла**, с ослеплением и возвратом зрения из рук посвящающего. Присоединение народов оформлялось по типовому бланку, и бланк назывался «Дамаск». Времена идут — почерк не меняется.

Дух знает его по имени. Заклинатели пробуют изгонять «Иисусом, которого Павел проповедует», — и дух отвечает: «Иисуса знаю, **и Павел мне известен**, а вы кто?» (Деян 19:15). Нечистый дух подтверждает: нанятый известен и по ту сторону. **Он записан по обе стороны тверди.**

Платки с его тела лечат дистанционно (19:11-12): «на больных возлагали платки и опоясания с тела его». Действие святыни на расстоянии — за триста лет до торговли святынями; мы займёмся ею в главе о Риме.

Счёт чудес ведётся парный. Сверьте колонки: хромым от рождения — исцелён Петром (3:2) и Павлом (14:8); **тень** Петра лечит (5:15) — **платки** Павла лечат (19:12); Пётр воскрешает

Тавифу (9:36) — Павел воскрешает Евтиха (20:9); Пётр карает Ананию — Павел карает Элиму. Писец **выравнивает пару чудо в чудо**. Пьедестал для двоих строился здесь, вчерне, за двести лет до саркофагов.

И Мальта — двойное дно глубже змеи. Сначала вводная, откуда она берётся на пути. После ареста в Иерусалиме Павла этапируют в **Кесарию Приморскую** — портовую резиденцию прокураторов, один из десятков городов империи, сдавших имя кесарю (карту переписывали, как список). Там, после двух лет заключения и апелляции к кесарю, его сажают на корабль: Миры Ликийские, Крит — и, вопреки его совету, выход в море поздней осенью. Корабль подхватывает шторм, «эвроклидон»; **четыренадцать суток** судно несёт по морю без солнца и звёзд; крушение — у острова, который жители зовут **Мелит** (28:1). Традиция читает Мелит как Мальту; честно скажем — есть спор, меньшинство указывает на другие острова; для сцены это неважно: важно, что было дальше.

На берегу, у костра, из хвороста, от жара, **выползла ехидна** — по-гречески ἑχιδνα, гадюка, ядовитая змея (русское слово уехало в сторону, греческое означает именно её) — и повисла у него на руке. Он стряхнул её в огонь — невредим (28:3-6). Заметим на полях: переводы веками пишут здесь «вышедши» — змее, у которой нет ног; так копируют, не видя предмета, — маленький образец того слепого переписывания, на котором мы ловим правщиков всю книгу.

Три подробности, одна другой тяжелее. Первая: на Мальте **ядовитых змей нет** — ни одной, по сей день; толкователям приходится объяснять, что «вымерли». Остров без гадюк — в сцене с гадюкой. Вторая: невредимость от змей — знамение из Мк 16:18, «будут брать змей»; но стихи Мк 16:9-20 — **дописанный финал**, его нет в древнейших кодексах, Синайском и Ватиканском. Сцена исполняет знамение **из дописанного финала чужого евангелия**: либо писец построил сцену по дописке, либо дописку сшили по сцене — в обоих случаях писали одни и те же руки. Третья: ἑχιδνα — то самое слово, которым учитель звал лицемеров: «**порождения ехиднины**» (Мф 3:7; 12:34; 23:33). Словарь сцены собран из меченых слов.

Туземцы сначала читают по своему уставу: «верно, этот человек убийца, когда его, спасшегося от моря, **Правда** не даёт жить» (28:4) — в греческом стоит ἡ Δίκη, богиня возмездия: сцена написана как оправдательный приговор чужого суда богов. И финал, ради которого всё: «говорили, что **он бог**» (28:6). Сравните с Листрой: там при крике «боги в образе человеческого» Павел **разодрал одежды** и бросился протестовать (14:14). На Мальте — **молчание**. Ни слова против. До исполнения контракта — протест по уставу; при завершении пути — титул принят молча.

Спросят: сцена хочет показать, что Павел неуязвим? Больше. Она показывает не свойство человека — **условие его доставки**: Павел должен быть довезён до Рима живым. Проследите этап целиком: солдаты хотят убить узников — сотник запрещает, «желая спасти Павла» (27:42-43); буря в четырнадцать суток — «ни одна душа из вас не погибнет» (27:22); гадюка — в огонь. Всё, что угрожает ему, устраняется по пути, потому что **пока он не доставлен, с ним не может случиться ничего**. И заметьте зеркало: защита кончается там, где кончается контракт, — потому книга и обрывается на «беспрепятственно», не доведя героя до смерти. **О доставленном отчёта больше не пишут.**

§6. Три протокола

Центр всей павловой легенды — дорога в Дамаск. Сцена стоит в Деяниях **трижды**: рассказом автора (глава 9) и дважды речами самого Павла (главы 22 и 26). Один автор, одна книга, одно событие — три протокола. Сличим.

Протокол первый: спутники «стояли в оцепенении, **слыша голос, а никого не видя**» (9:7).

Протокол второй: «бывшие же со мною **свет видели... но голоса не слышали**» (22:9).

Протокол третий: «**все мы упали** на землю» (26:14) — в первом протоколе стояли.

Слышали, но не видели. Видели, но не слышали. Стояли — упали. Все три версии написаны **одной рукой в одной книге**. Показание, меняющееся от пересказа к пересказу, суд называет заученным нетвёрдо. Знамение, на котором стоит мандат половины Нового Завета, **размазано по трём несводимым протоколам** — так пишут, когда никто не готов взять на себя ответственность за подробности. У события, породившего новую веру, не сходится протокол у единственного свидетеля — безымянного, чтобы спросить было не с кого.

§7. Ретушь

Кладём Деяния на письма — там, где они описывают одно и то же, — и смотрим, что исправлено.

Первый визит в Иерусалим. Павел, под присягой: обратившись, «не пошёл в Иерусалим», три года спустя видел только Кифу и Иакова — «а в том, что пишу вам, **пред Богом, не лгу**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.